

Дедушкины яблоки

Лето нынче выдалось дождливое. Вода стояла в огороде, в саду, и казалось, что эта грязь и сырость никогда не пройдут. Благодать была одним гусям да уткам, которые теперь не досаждали своим хозяевам, а целые дни проводили за садом в канаве, наполненной теплой дождевой водой.

— Утонули яблони. Эх, утонули! — ругался и сплевывал дед.

— Яблони, яблони... — перебивала его бабушка. — Глянь в огород, что творит Всевышний, — не будет гороха-то.

А дед все переживал за свои яблони и был в том состоянии, когда можно было сказать, что он вот-вот заплачет. Глаза слезились то ли от табачного дыма, то ли от жалости к своим деревьям.

— Неужто погибнут? — сокрушался дед, когда мы с Анютой ввалились в избу с промокшими ногами.

— Глянь-ка, Вань, — сказала мне бабушка. — Ему бы с радикулитом своим лежать, а он за яблони переживает... Ай-я-яй! Смотрите-ка на них! Ноги ведь промочили, сапоги-то худые, — запричитала она.

— Новые надо, ба, — ответил я.

— Во-во! Деда трясси. Пущай яблоки продаст да обнову вам справит, — опять взялась за свое бабушка.

Дед при этих словах даже вздрогнул. Продавать что-либо не любил. Вот такой он у нас был.

На следующий день я выгнал пораньше гусей пастись, а сам пошел помогать деду в саду. Нашел ковш и стал черпать воду из лунок вокруг яблоневых деревьев. Ковш был дырявый, и дело мое продвигалось небыстро. Потом мы стали носить землю и засыпать ямы. Земля была хорошая, чернозем. Брали мы ее за канавой, где плавали гуси. Дед мой повеселел. Он выбрал два самых больших яблока и дал нам с Анютой. Сестренка к тому времени уже крутилась возле нас.

И в конце концов моими усилиями и деда яблони были спасены. Бабушкин горох тоже уцелел. И не только горох, а и все, что росло в огороде.

Когда собрали урожай, то в один из воскресных дней дед взял нас на базар. На дно телеги он набросал сено, сзади поставил большие корзины с яблоками и горохом, накрыл их пологом. Чтобы удобнее было править лошадью, положил поперек телеги доску и уселся на ней. Мы с Анютой оказались в центре телеги на мягкой подстилке из душистого сена. До города ехать было не так далеко — пять километров. Сначала ехали по лесной просеке, а потом через поле — и вот он, город.

В этот день на базаре проводилась осенняя ярмарка. Горох у нас сразу пошел ходом, а вот яблоки почему-то никто не брал. Анюте надоело торчать возле деда. Ей хотелось все посмотреть, она то и дело дергала меня и спрашивала без конца о всякой ерунде, которую видела по дороге в город.

И тут к нам подошла женщина лет тридцати пяти, в серой юбке и коричневой вязаной кофте. На плечи был наброшен большой красивый платок,

русые волосы уложены в толстую косу. Женщина увидела наши яблоки и улыбнулась. Мне показалось, что она даже обрадовалась.

— Ой какие наливные яблоки! Вот такие-то нам и нужны! Битый час хожу по базару, а хороших яблок нет. Мне для ребятишек надобно, в детский дом.

— Деда, деда... — потянула Анюта его за рукав, явно желая что-то сказать.

Но дед суетился возле яблок, не обращая никакого внимания на внучку. Он расхваливал свой товар так, будто боялся, что покупательница вдруг исчезнет.

Мне стало интересно, чем все это закончится. Почему-то продавать яблоки не хотелось.

Тем временем женщина взяла в руки одно яблоко и спросила:

— Дедушка, сколько стоят ваши яблоки?

— Ничего, — ответил дед.

Она, наверное, решила, что дед не услышал или не понял ее вопроса.

— Я говорю: почему яблоки-то? — повторила покупательница.

— А вот, милочка, нипочем, — усмехнулся дед. — Показывай, где твой дом.

Мы отвезли яблоки ребятишкам в детский дом. Дед всю дорогу домой молчал, только изредка кряхтел, как это делал всегда, когда был чем-то уж очень доволен. Мы с Анютой знали, о чем он думает, и весело болтали, лежа на сене в телеге.

Когда смеются осины

Когда смеются осины? Может, всегда...

Всегда трепеща округлыми листочками.

А могут ли вообще смеяться осины?...

Утром Саня первым делом собрал корзинку и достал сапоги. Во время своих хлопот он думал о сестренке. Марьяшка любила поспать. Сане не хотелось ее будить. Во-первых, долго. Во-вторых, нудно. В-третьих, бесполезно. И вообще, стоило ли ее брать в лес? Саня считал, что, пожалуй, не стоило. Но, вспомнив, какая Марьяшка в гневе, он все-таки решил ее разбудить.

Бабушка ворчала. Так было всегда, когда внуки уходили далеко от дома. Наконец Марьяшка собрана, наставления от бабушки получены. Можно идти.

Дед еще раз обстоятельно объяснил дорогу.

— Ну, идите! — наконец-то сказал он.

— Смотри, Саня, Марьяшку не потеряй, — наказала бабушка.

— Не потеряюсь! — крикнула та и помчалась за братом.

За калиткой они, взявшись за руки, сбежали вниз по тропинке к реке. Прошли вдоль берега вверх по течению. Речка была неглубокая, прозрачная. Вода весело неслась куда-то, спотыкаясь о большие камни, которые иногда попадались на ее пути. Утреннее солнце уже ласкало детей своим теплом. Саня был доволен, что ничего не забыл, а Марьяшка радовалась всему. Им было хорошо. Дети были похожи друг на друга: у обоих русые волосы, карие глаза с длинными мохнатыми ресницами, симпатичные ямочки на румяных пухлых щеках.

Брат и сестра перешли речку вброд, как раз напротив просеки. Главное — не пропустить старую большую сосну. Дед говорил еще, что от этой сосны к «осиновому кольцу» ведет тропинка. По его описанию, орешник расположен как бы в осиновом кольце. Саня даже план набросал и отдал его Марьяшке — пусть учится ходить по лесу.

А вот и сосна. Затаив дыхание девочка посмотрела снизу вверх на огромную лесную красавицу, и ей показалось, что дерево вот-вот упадет на нее. Засмотревшись, Марьяшка не услышала, как Саня сердито сказал ей:

— Ну хватит тебе глазеть-то, пошли уж! Так мы и к обеду не доберемся до орешника.

И, твердо уверенный, что Марьяшка его послушалась, пошел вперед.

Вдруг в траве что-то шевельнулось, и из нее прямо к Саниным ногам резво выпрыгнул рыжий котенок. От неожиданности мальчик опешил, но, когда захотел взять котенка, тот юркнул под куст шиповника.

— Не бойся, ну что же ты? — ласково проговорил Саня. — Кто тебя бросил, Лесовичок?

Почему именно Лесовичком назвал котенка, он и сам не мог бы объяснить. Может, потому, что это крохотное существо было обитателем лесного царства.

Котенок настороженно выглядывал из своего укрытия. Он внимательно смотрел на протянутую Саней руку. Затем несмело стал подходить к мальчику. Саня схватил его, пока тот не успел убежать, прижал к себе и повернулся, желая поделиться радостью с Марьяшкой. Но ее не было рядом...

— Марьяшка! — отчаянно закричал Саня, а Лесовичок в знак солидарности громко мяукнул, наверное, решив, что и его голос услышит девочка. У Сани сдавило горло. Неужели маленький глупый котенок так далеко его завел? Куда же идти?.. Где сестра?..

Когда Марьяшка оторвала свой взгляд от громадной сосны, то вдруг обнаружила, что брата нет. Огляделась — а он уже далеко. Марьяшка попыталась его догнать. Она помчалась за ним. Не пробежав и десяти метров, запнулась за корягу и упала, а когда поднялась, то брата уже не было видно. Она осталась одна. Марьяшке не хотелось больше любоваться деревьями, слушать пение птиц. Учащенно билось сердце, хотелось плакать. На ее крик никто не отзывался. Оглядевшись вокруг, она

вспомнила о карте, которую ей дал Саня. Что можно понять в этих палочках и точках? Но что-то подсказывало ей, что нужно идти вперед до какого-то особенного места. Это особенное место было отмечено на карте у брата треугольником. И она пошла...

Изредка клича Сашу, она шла и шла, пока вдруг не увидела большой муравейник. Это чудо леса поразило Марьяшку своей величиной. Улыбка озарила лицо девочки. Ей стало ясно, что это и есть тот самый треугольник на карте.

Дальше в нее можно было и не смотреть. Перед Марьяшкой стояли осины. Деревья как будто расступились, образовав большой круг, в центре которого был орешник. Марьяшка восторженно выдохнула воздух. Листья осин красиво переливались на солнце, трепетали на ветру, и казалось, что они трясутся от смеха. Осины словно смеялись над Марьяшкиным страхом, над ее одиночеством. Осины смеялись...

Мысли путались в Саниной голове. Ему уже тринадцать лет, и за себя он не боялся. А вот Марьяшка... Она же девчонка! Да и младше его на пять лет. Заблудится, разревется.

Санька начал было сердиться на Лесовичка, но доброжелательное мурлыканье котенка его успокоило. Хорошо все-таки, что он не один в своей беде. Немного отдохнув, мальчик начал пробираться по высокой траве, спотыкаясь о редкие кочки. Ему хотелось упасть и лежать, пока кто-нибудь не найдет, но тревога за сестренку гнала его вперед.

Трава не была уже такой высокой. Оглядевшись, Саня увидел ряд стройных деревьев слева от себя. Их будто кто-то поставил рядышком друг возле друга. Он так и ахнул: «Это же «осиновое кольцо»! Я его нашел!»

Саня помчался по тропинке. Впереди показался орешник. Остановившись на поляне, он крикнул:

— Нашел, нашел!

— И я его нашла, — услышал он голос. — И быстрее тебя.

Саня замер от удивления. В нескольких шагах от него, между деревьев, стояла Марьяшка.

Подбежав друг к другу, дети обнялись. Марьяшка рассказала брату, как она попала в «осиновое кольцо». Саня показал ей Лесовичка. Марьяшке понравилось имя котенка. Пусть будет Лесовичком, раз в лесу нашелся. Она стала с ним играть, а Саня рвал орехи и радовался, что все обошлось хорошо. За час мальчик набрал орехов столько, что второй раз за ними не придется идти. Будет чем полакомиться зимой.

Дорога домой показалась детям намного короче. Саня уверенно вел за собой Марьяшку. Отойдя порядочное расстояние от «осинового кольца», они оглянулись и помахали осинам на прощание. В лучах уходящего солнца деревья казались еще прекраснее. Листья все так же трепетали и, казалось, издавали звук, похожий на смех.

Нет худа без добра

Кузьма Филиппович был озадачен. Его мирная, спокойная жизнь была испорчена окончательно и бесповоротно: хозяйева взяли в дом маленького щенка.

Кот вообще не любил посторонних: ведь это он царь в доме, и даже хозяйева зовут его по имени и отчеству — Кузьма Филиппович. «Да где это видано — нарушать кошачий сон и позволять какому-то мерзкому щенку играть с царским хвостом! — рассуждал Кузьма. — Лежишь себе в кресле, никого не трогаешь, а тут задираются. И к кому? К его величеству...»

Стоило коту пройти по комнате, как моментально выскакивал противный щенок, играючи кусал его, лез носом в пушистую ухоженную шерсть. Терпение Кузьмы окончательно лопнуло, когда он увидел, что изо дня в день в кошачьей миске ничего не оставалось. Он возмущался: это ж надо быть таким наглым и прожорливым!

Хозяйева теперь не уделяли Кузьме Филипповичу особого внимания, их больше забавляли игривость и неуклюжесть щенка. Горько стало коту. Он злился, а сделать ничего не мог. Так ведь можно проститься с «царским треном». Неужели всеми здесь будет править эта маленькая глупая собачонка? Нет, этого допустить никак нельзя... Но что же предпринять?

И решил Кузьма Филиппович разделить территорию так, что дальше прихожей щенок ходить не имел права. И кот явно дал это понять новому жильцу. Стоило тому зайти в комнату, как тут же слышалось шипенье. Выгнутая спина и взъерошенная шерсть не предвещали щенку ничего хорошего.

Никак не мог Кузьма Филиппович смириться с таким «подарком судьбы». И, казалось, уже ничего нельзя было сделать, но тут случилось непредвиденное...

Каким образом щенок сломал левую переднюю лапку — до сих пор неизвестно. Соседка-ветеринарка наложила ему шину и повязку, дала обезболивающее. Он лежал и тихо постанывал от боли.

Кот надменно смотрел на него сверху. «Некому теперь будет досаждать своими противными играми, я снова полный хозяин!»

Но вскоре от постоянных стонов и повизгиваний щенка у Кузьмы Филипповича стала просто трескаться голова. Он ушел в дальнюю комнату, забился в угол — не помогло. Вообще за последнее время кот сильно похудел, а сейчас был совсем не свой. Не зная как быть, Кузьма медленно подошел к коврику, где лежал щенок. От удивления тот даже перестал скулить и насторожился. Кот тоже замер, размышляя, что делать дальше. Захотел уйти, но почему-то не ушел, а сел рядом со страдальцем. И что только двигало им в этот момент — непонятно, но Кузьма Филиппович вдруг лег рядом со щенком и успокаивающе замурлыкал. Тот скулить перестал и заснул. И наступила тишина.

Это было прекрасно. Никогда еще Кузьма так не ценил тишину. Он был вынужден признать, что щенок, оказывается, довольно славный малый.

Со временем лапка благополучно срослась. Когда щенок вновь стал проявлять свой задиристый нрав, то кот относился к его проказам спокойно, и даже позволял прикасаться к своему царскому хвосту.

Прошло два года. Теперь это уже не глупый маленький щенок, а красивый пес по кличке Бим. Кузьма Филиппович нашел не только друга, но и защитника. Тронет кота чужая собака — Бим тут как тут. Погонится за обидчиком и укусит норовит.

Редко где встретишь такую дружбу, дружбу кота и собаки. Но если они друг с другом уживаются, то почему же люди не могут жить в мире и согласии?

Радость жизни

Антон разочаровался в жизни. Удар за ударом пришелся на него за эти несколько дней.

Сначала его бросила любимая девушка. А через день стало известно, что он не принят в университет. Все рухнуло... Больнее всего, конечно же, было от истории неразделенной любви.

Родители Антона видели, как изменился их сын, но не вмешивались в его дела. На ошибках учатся, думали они. Жизнь расставит все по своим местам.

Был обычный осенний день. Небо то хмурилось, то вдруг выглядывало солнце. До холодов было еще далеко. Природа демонстрировала свои краски: сопки вокруг поселка, где жил Антон, имели яркую красно-желтую окраску. Сам поселок находился у подножья сопки, а они как бы раздвинулись и дали место людям для обитания.

Еще в детстве любил маленький Антошка убежать за огород, где росли две большие сосны, а рядом лежал огромный камень. Сидя на этом камне, он мог часами смотреть, как внизу по железной дороге грохочут поезда, любоваться мостом через речку.

Сегодня ничто не радовало. Положив в карман спортивной куртки перочинный ножик, Антон вышел из дому. Мысли путались в голове, а он шел, шел, и опомнился тогда, когда понял, что оказался в лесу.

Беспокойно шумели пожелтевшие осины и березы. Листья кружились в золотом хороводе осени, где-то вдалеке кричали неизвестные птицы.

Антон остановился, печально глядя на лесную чащу. Он не устал, но что-то повлекло его сесть на оказавшийся рядом сосновый пенек. И только он хотел это сделать, как какая-то неведомая сила остановила его. Пень, у которого он остановился, был огромный и ровно спиленный — очевидно, механической пилой. Антон присел на корточки и стал его рассматривать.

«Сколько же этих колец, не сосчитать! Это дерево прожило настоящую жизнь, а погибло так нелепо — от руки лесоруба. Неужели и меня ожидает такая участь?.. Нет! Это не конец! Ведь поступить я еще смогу. А Танька... да Бог ей судья! Моя жизнь не кончена, я готов к ее испытаниям!»

Антону стало легче на душе. Он улыбнулся этому пню, улыбнулся всему миру, небрежно швырнул перочинный ножик в грудку желтых опавших листьев и пошел прочь из леса по направлению к дому. Он знал, что если будешь верить, то радость жизни обязательно придет.

Васька

Кот Васька любил свой дом. Добрая и заботливая хозяйка угощала его молоком. Парное молочко вообще было Васькиной слабостью. По кошачьим меркам это был молодой кот, ему исполнилось всего два года. Шерсть у Васьки была вся черная, а лапки беленькие, будто носочки. Мышей в доме, благодаря его стараниям, не водилось. Хозяйкины дети кота не обижали. Одним словом, жилось ему очень хорошо.

Васька был добрым котом. Из четверых хозяйкиных детей он любил больше всех маленькую Тamarочку. Ему жалко было девчонку, которую сестры оставляли одну, а сами убегали купаться на речку, за орехами или еще куда-нибудь. Тамара поднимала такой рев, что Ваське срочно приходилось бросать свои дела и утешать ее. Терпеть не мог он этих слез.

Нежно мурлыча, кот терся о ноги девочки. Тамара брала Васю на руки, гладила по спине, рассказывала ему о своих обидах и переставала плакать. Так они и жили.

Но однажды зимой с Василием случилось такое, что даже и вспоминать не хочется. А всему виной была его страсть к парному молоку.

Обычно Васька спал на печке, где до самого утра сохранялось тепло. В тот день, как всегда, он ждал свою хозяйку с молоком. Когда отворилась дверь и вошла хозяйка, Васька спрыгнул с печки и... угодил прямо в ведро с молоком. От неожиданности женщина вскрикнула, выронила ведро с остатками молока и обезумевшим Васькой.

На ее крик и непонятный грохот в кухню вбежали разбуженные дети. Картина предстала перед ними удручающая. Мать стояла в белой луже, рядом валялся пустой подойник, а под столом сидел испуганный и мокрый кот.

Когда выяснилось, что же случилось, вот было смеху! Историю скоро забыли. А Васька после этого случая все равно не разлюбил парное молоко.